

Он походил на человека, у которого нет сердца, но который натянул на себя человеческую кожу, словно призрачный наряд.

— Тогда я пойду? — проговорил Гу Шэньцин и, не дожидаясь ответа, снял с вешалки пиджак и набросил на плечи женщины.

Женщина на мгновение замерла:

— Угу.

Гу Шэньцин нетвердой походкой вышел из комнаты, поминутно оглядываясь — он опасался внезапного нападения. К счастью, двери были плотно закрыты, и ничего подозрительного не произошло.

Он раскрыл полицейское удостоверение, которое держал в руках, и увидел на нем имя Лу Инцы. В тот же миг документ снова превратился в значок.

Гу Шэньцин был ошеломлен: Лу Инцы? Разве это не тот самый руководитель группы по расследованию дела о массовом таинственном исчезновении людей в Фучэне? Они ведь встречались раньше...

Из-за подготовки к экзаменам в аспирантуру, помимо редких консультаций по криминальной психологии, он почти не бывал в полицейском участке. Но он отчетливо помнил, как однажды человек с табличкой «Руководитель дела Лу Инцы» остановил его и что-то сказал...

Что же он сказал?

Черт... голова раскалывалась, воспоминания никак не желали всплывать.

Гу Шэньцин схватился за голову. Он что-то забыл. Что именно? Были ли они знакомы? Попал ли тот человек в игру так же, как и он? Или, может быть, у них была какая-то договоренность?

Неизвестно... ничего не известно. Этот человек так и не показался, а ведь с его способностями он наверняка смог бы разгадать цель того незнакомца.

Добро это или зло? Помощь или бездна?

Вспомнив, что его ждут товарищи, Гу Шэньцин отбросил суматошные мысли и поспешил к ним. Разберемся по ходу дела. Какова бы ни была цель противника, он все равно неумолимо приближается к истине.

— Вы чем тут занимаетесь? Выглядите так, словно... — Гу Шэньцин осекся, увидев их занятие.

Это было до странности похоже на...

В стране с этим строго, а тут целая толпа стоит, опустив головы, и что-то жует. Гу Шэньцин не сразу нашелся, что сказать.

— А! Шэньцин, ты вернулся! А вы двое, нашли еду и не сказали нам! Вчера мы еще не были голодны, а сейчас просто умираем от истощения!

— Не приплетай меня, я не голоден, я просто за компанию! — Старик Ли толкнул Цзянь-гэ локтем, предупреждая глядя на него.

Оказалось, что ел только Цзянь-гэ, а остальные лишь наблюдали за его реакцией. Впрочем, все они были бывалыми игроками, никто не стал бы действовать столь опрометчиво.

— Вы едите то, что стащили с чердака? — спросил Гу Шэньцин.

— Есть какая-то проблема? — Цзянь-гэ невольно напрягся.

На самом деле, он мог не слушать никого другого, но слова Гу Шэньцина были для него законом. Он подсознательно признавал его лидером. Неужели это опять какая-то «продукция из людей»? Фу!

Гу Шэньцин промолчал, а Цзянь-гэ, не желая вызывать у себя рвоту, лишь вытаращил глаза, ожидая ответа.

Гу Шэньцин демонстративно задумался и лишь спустя долгое время произнес:

— Конечно, нет. Эта еда была приготовлена сумасшедшей Бертой Мейсон для ее ребенка, который умер еще до рождения.

— А?! — Цзянь-гэ разинул рот. — Гуань Ваньсяо, ты же ничего не сказала! Это еда для мертворожденного?

— Я тебя предупреждала.

— Но я же голоден... — Цзянь-гэ смущенно почесал затылок. Если призраки готовят еду для призраков, то, наверное... не стоит ее выплевывать? — Я не мутирую? — с тревогой спросил он.

Гу Шэньцин улыбнулся:

— Нет, ты станешь даже здоровее большинства из нас. В конце концов, ты съел пищу того ребенка.

— А?! — изумился Цзянь-гэ.

— Берта очень любила своего ребенка. Я только что встретил ее в комнате и помог ей избавиться от душевных терзаний, — Гу Шэньцин не стал отвечать прямо. — Она всегда считала, что ребенок погиб по вине ее мужа и ее собственной, поэтому я применил небольшую хитрость, чтобы она поверила: смерть ребенка не связана ни с ней, ни со мной. Позже она позволила мне взять одну вещь с чердака в качестве награды за помощь. Я согласился и ушел. Думаю, теперь ее внимание будет приковано к тому, кто действительно погубил ребенка — к его отцу.

— И кто же это?! — в голосе Цзянь-гэ послышался ужас, словно он снова переживал предательство бывшей девушки.

— Ха-ха, догадывайтесь сами. Во всяком случае, это не я, я с порога вошел в роль следователя.

— А что же нам теперь делать? — Цзянь-гэ выглядел совершенно растерянным.

Гуань Ваньсяо бесцеремонно рассмеялась:

— Дурачок, он тебя разыгрывает. Раз он выбрался целым и невредимым, значит, убийца ребенка той беременной женщины уже мертв. То есть тот самый Золотоволосый Дэвид, который умер у тебя на глазах.

— Та женщина внутри — это сумасшедшая из Джейн Эйр?

— Да, она самая. Но здесь все иначе, как и весь этот инстанс, сюжет которого не совпадает с оригиналом. Он заимствует лишь самые жуткие детали, сплетая их в новую историю.

— Что нам делать дальше? — спросила Ваньсяо.

— Забрать артефакты, защититься от призраков, сплотиться и дожить до рассвета.

Гу Шэньцин погладил значок с белой камелией, который все это время сжимал в ладони, а затем приколол его к рубашке. Зная, что эта вещь не причинит ему вреда, он перестал бояться.

— Поэтому я и сказал, что Цзянь-гэ не только не пострадает, съев ту еду, но и будет в безопасности. Может быть, призрак примет его за реинкарнацию своего ребенка, — Гу Шэньцин светло улыбнулся, и в его глазах, казалось, замерцали звезды.

— Ох уж эти твои шуточки... — пробормотала Гуань Ваньсяо.

Тётушка Цзе поджала губы, достала свой флакон с парфюмом Карта переворота и несколько

раз пшикнула в сторону Цзянь-гэ, словно изгоняя скверну. Группа поспешила на чердак за артефактами.

— Что именно мы должны забрать? — спросил Старик Ли, когда они поднялись на чердак.

Гу Шэньцин ожидал, что этот вопрос задаст Цзянь-гэ, но никак не Старик Ли. Он почувствовал, что в поведении старика есть что-то странное, но не мог понять, что именно. Тётушка Цзе, стоявшая за спиной Ли, дернула его за одежду, и тот, обернувшись, умолк.

Гу Шэньцин вспомнил одно из своих прошлых дел, и на его губах мелькнула насмешливая улыбка. Что ж, у каждого свои тайны. Надеюсь, этот инстанс не окажется таким же леденящим душу, как то дело.

— Нам нужна пуповина ребенка. Цзянь-гэ теперь в безопасности, у нас с Ваньсяо есть свои способы защиты, так что этот предмет пусть возьмет тётушка Цзе. Возражения есть?

В глазах Гуань Ваньсяо промелькнуло сомнение, но она промолчала — она поняла движение губ Гу Шэньцина: Поговорим наедине.

— Я не против.

— И я тоже.

Все согласились, и Гу Шэньцин снял картину с пуповиной, передав ее тётушке Цзе. Та с улыбкой поблагодарила, и взгляд Старика Ли стал чуть мягче.

Они вышли первыми, Гу Шэньцин и Гуань Ваньсяо остались позади.

— Возьми это, она будет тебя защищать, — Гу Шэньцин снял значок с рубашки и протянул ей.
— Поверь мне, я не дам тебе погибнуть.

Его голос звучал тихо, но в нем чувствовалась непоколебимая уверенность. Взгляд Ваньсяо стал тверже, а бешено колотящееся сердце наконец успокоилось.

— Хорошо.

Она спустилась по приставной лестнице. Гу Шэньцин на мгновение помрачнел. Если бы тогда, в прошлом, он не тратил все силы на психологию преступника, а уделил хоть каплю внимания жертве и ее семье, разве случилась бы та трагедия?

Увы, сослагательного наклонения не существует. Тогдашний неопытный юнец не понимал законов человеческих отношений. Он думал, что другие люди так же бескорыстны, как и он

сам.

Очнувшись от раздумий, он обнаружил, что уже спустился вниз. Четверо его спутников обсуждали, где лучше укрыться. Гуань Ваньсяо уже спрятала значок, сжимая в руке штопор, который он ей дал.

Гу Шэньцин помрачнел. Он не знал, сделала ли она это нарочно, и не хотел об этом думать. Он был уверен: при первой же встрече Ваньсяо была во всеоружии и припрятала не менее двух видов оружия. Но она не выбросила его штопор, а теперь демонстративно держала его в руках. Это знак расположения? Или благодарности?

Нет, нет, хватит об этом думать, Гу Шэньцин!

Шумные споры окружающих прервали его почти навязчивые мысли. Он невольно прижал правую руку к груди — сказывалась профессиональная деформация профайлера. Он мог обойти место преступления и по следам восстановить способ передвижения убийцы, длину его волос и особенности поведения. Но платой за это были частые визиты к психологу и упущенные повышения по службе — вот почему он решил поступать в аспирантуру.

Чем глубже он познавал человеческую натуру, тем сильнее разочаровывался в мире.

Нельзя больше думать об этом! Здесь не место преступления. Они не преступники. Гу Шэньцин молча внашл себе это, пытаясь подавить навязчивые мысли.

Только когда Старик Ли окликнул его, он заставил себя вернуть ясность взгляду.

— Думаю, завтра нас ждет игра на выживание. Проверка на выносливость, реакцию и интеллект. Это сложно, но и не невозможно. Если мы будем работать сообща, то пройдем этот этап без проблем. У меня есть идеи, как действовать дальше, но я говорю это не для того, чтобы вы просто послушали. Я хочу, чтобы вы следовали моим указаниям. Я гарантирую безопасность каждому из вас и обещаю идеальное прохождение, какого здесь еще не видели.

— Это опасно? — первым спросил Старик Ли.

— Я собираюсь прикончить дворецкого, — спокойно ответил Гу Шэньцин.

— Что нам нужно делать? — Старик Ли не стал спрашивать, согласен он или нет, он сразу перешел к сути.

— Вам с сестрицей Цзе ничего делать не нужно, просто берегите себя.

Старик Ли нахмурился:

— Я тебе не доверяю. Ты сказал, что пуповина — это артефакт, который нас защитит, но никто не знает, работает ли она на самом деле. И никто не знает, на скольких человек распространяется эта защита. Конечно, я не собираюсь отбирать вещь у женщины. И еще... когда ты анализировал наши отношения, ты ни слова не сказал обо мне. Ты что-то скрываешь?

Гу Шэньцин понимал: перед лицом смерти противоречия всегда обостряются. Не все такие простые и доверчивые, как призрак, которого можно обмануть полицейским удостоверением.

— Я собираюсь сыграть роль любовника Ваньсяо, чтобы вызвать ненависть дворецкого. Поскольку правила инстанса запрещают дворецкому убить меня напрямую, он затаит меня в сон. Там, в мире снов, он обретает силу убить меня, но и я смогу нанести ответный удар. Именно поэтому Золотоволосый Дэвид не убил нас сразу, а затаил в сновидения, где мы утопаем в желаниях, а он, притворяясь Богом, исполняет их и губит нас. И нет, я ничего от тебя не скрываю. Совсем ничего. Я же говорил, что не до конца разобрался в связях, а ты перебил мои мысли. Теперь я все понял: ты — ключевое звено. Отец ребенка женщины с чердака — не Золотоволосый Дэвид, а ты, Ли.

...

Воцарилась тишина.

Гу Шэньцин продолжил:

— Полагаю, история была такой: обманутая и разоренная Берта Мейсон пришла в лес, и некая таинственная сила привела ее в этот дом. Она стала хозяйкой роскошной виллы, владелицей всех сокровищ. Дэвид, проезжая мимо, положил глаз на нее, начал ухаживать, и вскоре у них возникла связь. Позже женщина забеременела, но Дэвид понял, что ребенок не его, и выгнал ее на чердак. Чей это был ребенок? Естественно, того негодяя, которого она встретила до прихода сюда. Этим негодяем был ты. Вот и вся связь между тобой и ею.

— Мы тут все далеко не святые... — с многозначительной улыбкой добавил Гу Шэньцин.

Гуань Ваньсяо не удержалась и пробормотала:

— Это просто бред какой-то!

— А нынешний дворецкий был слугой Дэвида, но не думаю, что он был ему верен, потому что они оба влюбились в одну и ту же женщину. Но в отличие от алчного Дэвида, дворецкий полюбил ее за то, что она не потеряла себя в этой роскоши, а пала жертвой предателя и теперь терпит издевательства его хозяина. Он был одержим этой ее жалкой участью. Позже Дэвид сжег женщину заживо, и она стала для дворецкого недостижимым идеалом. Его хозяин продолжал вести разгульный образ жизни, а дворецкий мог лишь молча тосковать в углу. Однажды он достал карманные часы с сине-розовым узором и множеством выступов. Я нашел чертеж таких же часов в шкафу на чердаке. Это доказательство. Поэтому Гуань Ваньсяо привлекла его внимание, лишь притворившись той женщиной. А я смогу привлечь его ненависть, только став ее любовником. Я ведь даже прикрыл тебя перед ней, зачем мне

вредить тебе?

Гу Шэньцин почувствовал сухость в горле после столь длинной речи, но он обязан был это сказать — иначе этот новоиспеченный отряд ждала гибель.

— Если я объясню остальным, что именно ты тот самый негодяй, ты не жилец, — он усилил напор, видя сомнения в глазах Старика Ли. — Сейчас не я прошу тебя о сотрудничестве, а мы все находимся в одной лодке и должны либо выжить вместе, либо погибнуть. Ты сказал, что не знаешь, сколько людей защитит пуповина — ну так знай, главное, что артефакт у вас. У нас вообще ничего нет.

Средства защиты у них были, конечно, но об этом лучше молчать. Как жаль, что даже в другом мире приходится применять криминальную психологию.

— Хорошо, мы будем сотрудничать и не станем мешать, — наконец сдался Старик Ли. — Меня зовут Ли Хуэйкай. Это мое настоящее имя. Раз я назвал его, значит, не обману тебя. Мы с тётушкой Цзе именно так и познакомились. Мы проследим за А-Цзянем, чтобы он не натворил дел.

Цзянь-гэ почесал затылок:

— Да что я такого натворил?

Гу Шэньцин не возражал, чтобы тот присмотрел за Цзянь-гэ.

— Договорились. Мы с Ваньсяо идем к дворецкому, по дороге все обсудим. Постараемся как можно быстрее спровоцировать его, а потом вернемся в комнаты поспать. Нужно разобраться с ним до рассвета. Пятицветный камень верни себе, он тебе нужнее, во сне он вряд ли пригодится. И всем нужно набраться сил, ведь утром нас ждет погоня.

Он вернул Старика Ли камень, способный отражать атаки, и продолжал давать наставления. Жизнь была похожа на игру, где каждый выполняет свою роль: до этого он был саппортом, а теперь стал основным игроком. Он не хотел рисковать, но чувство долга не позволяло ему плыть по течению. Он видел, что Гуань Ваньсяо колеблется, но верил, что она не глупа и понимает, что к чему. А завести дружбу с умным человеком — совсем не плохая идея.

В коридоре стоял тяжелый запах гари, со стен осыпалась штукатурка.

Ваньсяо спросила:

— Я помогу тебе, но можешь ли ты гарантировать, что значок спасет тебе жизнь? — она знала, что вопрос бессмысленный, но не могла удержаться.

Новичок получил на первый взгляд бесполезный предмет с крайне странным описанием. Если бы он не был связан с основной линией инстанса, она бы его даже не взяла. Она знала, что в

призрачных представлениях встречаются самые диковинные проклятые предметы.

— Не волнуйся, — коротко ответил Гу Шэньцин. — Именно благодаря ему я выбрался из сна без единой царапины.

— Как думаешь, где дворецкий? — Ванься решила сменить тему.

— На кухне. И с вероятностью восемьдесят процентов он сейчас рубит мясо.

— Что? — Ванься открыла рот от изумления — то ли от его уверенности, то ли от жестокости происходящего.

— Это легко угадать, — пояснил Гу Шэньцин. — На ужин он подал нам салат из потрохов и розы. В мусорном ведре я видел женскую руку, на ногтях которой был прозрачный лак. Он ненавидит всех мужчин, кроме своего хозяина, и всех фальшивых женщин. Он — главный ужас этого инстанса. Что может быть страшнее, чем проснуться посреди ночи и увидеть, как маньяк рубит человеческое мясо?

Гу Шэньцин посмотрел на нее:

— Так что, боишься? Еще немного — и твоя рука может оказаться в том же ведре.

Ванься фыркнула:

— Пытаешься меня напугать? Не выйдет! Если он захочет убить, то сначала убьет тебя. А если нацелится на меня, я потяну тебя за собой.

Гу Шэньцин рассмеялся и протянул руку:

— Приятно иметь дело с профессионалом.

— Взаимно, — она крепко пожала его руку. — Что мне делать, когда мы придем? Прямо выходить на сцену или...?

— Я начну первым. Если справлюсь — твое участие не понадобится.

Ванься помедлила, а затем вложила значок с белой камелией в руку Гу Шэньцина:

— Возьми, тебе он нужнее.

Гу Шэньцин улыбнулся, не отказываясь. Он знал — это первый шаг к доверию.

На кухне Гу Шэньцин действовал решительно. В руках у него была синяя роза, украденная из

гостиной, и он попросил у дворецкого белую ленту, чтобы ее перевязать.

— Зачем тебе это? — спросил дворецкий, намывая нож. Красная, как кровь, вода стекала в раковину.

— Я не вижу роз, не могу описать и сотой доли ее красоты, поэтому хочу подарить ей эту розу... — Гу Шэньцин сделал вид, что не замечает, чем занят дворецкий.

Дворецкий взял белую тряпку и принялся тщательно протирать лезвие. Его глаза опасно сузились:

— Кому это — ей? — голос его едва заметно дрогнул.

— От нее так приятно пахнет, от ее одежды веет лавандой... Простите, я не должен был вам этого говорить. Не подскажите, где лента?

— Сейчас принесу, — дворецкий не сводил с него глаз.

Он протянул ленту, которая на вид была самой обычной.

— Уже так поздно, забирай и возвращайся в комнату, нечего тут расхаживать... — он улыбнулся, и вдруг все его зубы разом выпали, обнажив кровавую десну. Зрелище было омерзительным.

— Как я могу расхаживать? Я перевяжу розу и сразу лягу спать. Завтра я собираюсь признаться в любви моей возлюбленной.

— Вот как... — дворецкий крутил в руках чистый нож, рассеянно поглядывая на ряд ножей в подставке.

<http://bllate.org/book/19171/1882263>